

Збигнев Карпус

Советские военнопленные в плену в Польше в 1919-1921 гг.

После поражения центральных государств в Первой мировой войне с их территории на родину (Россию, Украину, Польшу, страны Балтии) начали возвращаться военнопленные, интернированные лица и люди, насильно вывезенные на работы – граждане бывшей Российской империи. Первые их группы появились на территории освобожденного от немецкой оккупации Королевства Польского уже во второй половине ноября 1918 г., т.е. в период формирования центральной власти возрождающегося польского государства. На родину русские военнопленные возвращались дорогами, проходящими через всю территорию Польши, с Запада на Восток.

По дороге на восток первым пунктом для них была Варшава - главный железнодорожный узел, где их содержали в бывших немецких бараках в Повонзках. Кстати, первый транспорт с русскими военнопленными из Калиша в Варшаву отправился сразу же после эвакуации немцев 14 ноября. Этими транспортом пользовались и русские, которые ранее находились в лагере для военнопленных в Щеперно. Всего 14-16 ноября 1918 г из Калиша было вывезено 14 000 военнопленных.

Процесс эвакуации военнопленных и русских работников из Германии на Восток проходил без помех со стороны немецких властей. Таким образом, из-за проблем с питанием они старались избавиться от ненужных на своей территории людей. С точки зрения польских властей отправление военнопленных было связано и с желанием дестабилизировать ситуацию в возрождающейся Польше. С 15 ноября 1918 г. до 20 января 1919 г. в Польшу с Запада прибыло 281 000 русских военнопленных. 22 января 1919 г. по просьбе польских властей страны Антанты запретили направление транспортов с русскими военнопленными и рабочими на восток, через польскую территорию.

В это время началась польско-советская война, темп которой первоначально не был слишком интенсивным. Поэтому количество военнопленных с двух сторон не было большим. В ноябре 1919 г. (т.е. в период, когда боевые действия были остановлены и проходили переговоры в Микашевичах) в Польше находилось 7096 большевистских военнопленных (такое число содержится в польских военных документах того времени). Во время переговоров в Микашевичах на проблему военнопленных стороны не обратили внимание.

По мере возможностей польские власти старались обеспечить нормальные условия пребывания большевистских военнопленных в лагерях. Однако сделать это получалось не всегда. Стоит отметить, что в осенне-зимний период 1919-1920 гг. в некоторых лагерях

отмечалась тяжелая ситуация со снабжением и санитарным обеспечением военнопленных. Об этом узнала польская пресса и сейм, делегация которого посетила отдельные лагеря для военнопленных. Отчет об этом был представлен во время пленарного заседания. В результате вмешательства депутатов весной 1920 года произошло серьезное улучшение условий пребывания в лагерях, а большевистских пленных направили на работы в сельском хозяйстве и государственных учреждениях. В этой ситуации их условия жизни (быт и санитарные условия) значительно улучшились.

Для польских властей значительные проблемы с большевистскими военнопленными начались после победы в Варшавской битве. В ее результате в польский плен попало более 40 000 красноармейцев. Дальнейшие боевые действия значительно увеличили число пленных. После окончания боевых действий (то есть после 18 октября 1920 года) в Польше находилось около 80 000 советских военнопленных. К тому же около 25 000 советских военнопленных пожелали вступить в формирующиеся на территории Польши антибольшевистские вооруженные формирования.

Польская сторона испытывала большие трудности в организации быта военнопленных, особенно в осенне-зимний период. Перед польскими властями появились другие важные проблемы, которыми экстренно необходимо было заниматься. Среди прочего, это была проблема 50 000 интернированных солдат и их семей из состава бывших союзников Польши - русских и украинских воинских формирований, которые под конец ноября 1920 года повторно оказались на польской территории. Появилась проблема организации для большого числа военнопленных и интернированных лиц помещений для проживания и необходимого санитарного и медицинского обслуживания, а также снабжения их питанием.

Первым официальным документом, который оговаривал вопрос организации опеки над военнопленными, был договор, подписанный 6 сентября 1920 года в Берлине представителями польского и российского Красного Креста. В Польше опекой над большевистскими военнопленными и гражданскими интернированными лицами осуществляла Стефания Сэмпловская, а, в свою очередь, на территории России за заботу над польскими военнопленными отвечала Екатерина Пешкова. В соответствии с мирным договором от 12 октября 1920 года предстояло в кратчайшие сроки создать смешанные Комиссии (были созданы в мае 1921 года).

До того, как 24 февраля 1921 года в Риге был подписан договор о репатриации, обмен военнопленными пробовали проводить на основании именных списков. Однако вскоре стало понятно, что обе стороны не готовы к быстрому обмену военнопленными.

Организация необходимых условий для проживания, питания и медицинского обслуживания для почти 150 000 военнопленных и интернированных лиц (не только советских) в период с 1919 по 1921 годы было серьезным испытанием для молодого польского государства. Важным фактором, который необходимо учитывать, были эпидемии инфекционных заболеваний, которые были не только среди военных, но также и гражданских лиц.

После того, как красноармейцы попадали в плен, их направляли на обязательное санитарное обследование (баня, смена белья, дезинфекция одежды), а также медицинский осмотр. Больных пленников старались не направлять в лагеря в центре страны. Чаще всего их размещали в специальных отрядах, существовавших при фронтовых госпиталях, а также в госпиталях для военнопленных. Медицинское обслуживание существовало в каждом лагере для военнопленных. Медицинский персонал обслуживал поликлинику, аптеку и госпиталь, обычно с отделением для инфекционных больных.

В 1919 году, когда в Польше в лагерях находилось около 29 000 военнопленных и интернированных лиц (в том числе советских - 7000-8000) эта система работала достаточно хорошо, хотя и тогда не удавалось полностью победить эпидемии инфекционных заболеваний. После того, как в лагере в Бресте в результате эпидемии умерло около 1500 военнопленных (в том числе около 500 большевистских военнопленных), упомянутый лагерь закрыли. Среди жертв эпидемии был также польский медицинский персонал. Так от сыпного тифа умер главный врач лагеря в Бресте.

Поздней осенью 1920 года санитарная и эпидемическая ситуация в лагерях для военнопленных в Польше снова ухудшилась. Именно тогда наступил резкий рост числа военнопленных и интернированных лиц. К тому же отрицательное влияние на эту ситуацию имела потеря значительного количества необходимого санитарно-медицинского оборудования во время отступления польских войск летом 1920 года, а также разрушения инфраструктуры на большей части страны, через которую проходили части Красной Армии. Интернирование бывших союзников в борьбе против большевиков заставило перевести советских военнопленных в другие лагеря. Их перевозили без соблюдения необходимых норм в условиях холодной зимы. Это привело к повторной вспышке эпидемии инфекционных заболеваний: холеры, тифа, краснухи и гриппа. В наиболее тяжелых в эпидемическом смысле месяцах конца 1920 - начала 1921 года в главных лагерях умерло: в Стшалкове – 1682 человека в ноябре и 1558 человек в декабре; в Тухоли в январе 561 человек. Позднее ситуацию в лагерях удалось взять под контроль.

За весь период пребывания советских военнопленных в лагере в Стшалкове (июнь 1919 – октябрь 1921 гг.) там умерло 7-8 тысяч военнопленных, а в Тухоли (конец августа

1920 – вторая половина 1921 года) – около 2 тысяч человек. На основании многочисленных сохранившихся источников можно сказать, что в польском плену за весь период умерло около 14-16 тысяч советских военнопленных. Они были похоронены в сборных могилах на кладбищах, функционировавших при лагерях. На протяжении всего межвоенного периода эти погосты были под опекой польских властей.

В соответствии с договором о репатриации, со второй половины марта до второй половины октября 1921 года из Польши было выслано 65 797 советских военнопленных, а к началу 1922 года – еще 965 человек. В Советскую Россию также вернулось 2001 гражданское лицо. Около тысячи человек объявило о желании остаться в Польше. Кроме того, около тысячи бывших солдат Красной Армии вернулись из польского плена в другие страны.

Польские военнопленные в советском плену

Возрождающаяся в военное лихолетье 1918-1921 гг. Польская республика не подписывала Гаагскую конвенцию 1907 г., регулиующую отношения к военнопленным. Однако Польша признавала ее постулаты. Относилось это и к польско-большевистской войне, которая де факто, началась 4 января 1919 года в пригородах Вильно, а де юре закончилась мирным договором, заключенным 18 марта 1921 г. в Риге. Заканчивая войну, обе стороны в договоре о репатриации от 24 февраля 1921 года признали, что статус военнопленных имеют все те, кто служил в польских воинских формированиях, сражавшихся против большевиков на территории России в 1917-1920 гг.

Условия, в которых формировалось и сражалось Войско Польское, создают трудности для определения потерь в личном составе. Известно, что с 1 ноября 1918 года до 31 декабря 1920 года погиб 19 841 военнослужащий Войска Польского, кроме этого, от ран и болезней умерло 27 214 солдат (всего 47 055 человек). В это же время пропало без вести 54 281 польский солдат. Большая часть из них попала в плен, а не значительное количество действительно пропали без вести, или дезертировали и перешли на сторону неприятеля.

В советском плену находилось около 44 тысяч солдат Войска Польского, которых считали пропавшими без вести. Однако в плен их попало значительно больше. Правда многие сразу же сбежали или были отбиты польскими войсками в результате изменения ситуации на фронте. Таким образом, они не были учтены в этой статистике.

Наибольшей группой солдат Войска Польского, которая одновременно – 11 января 1920 года - попала в советский плен, были военнослужащие 5-й стрелковой дивизии. Ее сформировали в 1919 году в Сибири из живущих там поляков, а также освобожденных из русского плена солдат немецкой и австро-венгерской армии польской национальности. В этой дивизии было также много поляков, которые служили в русской армии, но демобилизовались после революции 1917 года. С осени 1919 года дивизия вела тяжелые бои, выполняя функцию тылового прикрытия отступающих вдоль транссибирской железной дороги войск адмирала Колчака и Чехословацкого корпуса. В безвыходной ситуации 10 января 1920 года на станции Клюквенная дивизия на почетных условиях капитулировала. Около 8 тысяч солдат во главе с полковником Валерианом Чумой, главнокомандующим польских войск в Восточной России и Сибири сдались большевикам. Оставшиеся подразделения пробились с оружием в руках на Восток, в

Харбин, откуда вернулись на родину по морю. Они стали основой для Сибирской бригады, которая была направлена в распоряжение 5-й армии генерала Владислава Сикорского, которая во время Варшавской битвы сражалась на Висле и Вкре.

Советское командование не обращало особого внимания на условия почетной капитуляции, заключенной 10 января 1920 года. На свободе остались лишь семь солдат, однако, без обеспечения их продовольствием. Младших офицеров направили в лагерь для военнопленных, старших (от капитана и выше) водворили в тюрьму. Среди них был и полковник Чума. Положение гражданских и военнопленных было трагическим, так как, несмотря на условия капитуляции, их ограбили и забрали ценные вещи и документы. Из рядовых, которые не согласились вступить в ряды Красной Армии, сформировали рабочие отряды, которые направили на работы в угольные шахты или на ремонт железнодорожной инфраструктуры.

В соответствии с пунктами договора о репатриации от марта 1921 года начался обмен военнопленными. Его осуществляли в двух пограничных пунктах: на железнодорожной станции Негорелое около Койданово (по советской стороне) – Столбцы (по польской стороне), а также на станции Здолбунов (для обеих сторон, находилась на территории Польши).

Дольше всего продолжалась репатриация военнопленных 5-й стрелковой дивизии и их семей из Сибири. Вначале, чаще всего под открытым небом, неделями они ждали транспорт, затем несколько месяцев ехали поездом, получая мизерное питание (чаще всего четверть фунта хлеба в день). Результатом этого были массовые заболевания (в январе 1922 года болело около 60 процентов военнопленных) и смерти в дороге на родину. Советские власти стремились задержать квалифицированных специалистов, в связи с чем затрудняли их репатриацию. Во многих случаях в дело вступали польские дипломаты. Так, например, полковник Чума вернулся в Польшу только 22 января 1922 года.

С мая до июля 1921 года в Польшу через Негорелое проехало 10 694 военнопленных, а через Здолбунов – 5762 человека. С июля до декабря того же года через упомянутые выше станции вернулось в Польшу соответственно 12 119 и 3791 военнопленный. Позднее их поток значительно уменьшился. С января до июля 1922 года из советского плена вернулось 2473 солдата. Всего с марта 1921 г., когда начался процесс репатриации военнопленных, до второй половине 1922 года в Польшу вернулось 34 839 военнопленных. После прибавления к этой цифре тех, кто в то время сбежал из советских лагерей, тюрем, рабочих отрядов, из госпиталей и во время перевозок (их могло быть несколько сотен) получаем число в 35 500 военнопленных, которые вернулись на родину.

К ноябрю 1922 года, когда процесс возвращения практически закончился, в Польшу смогли вернуться еще несколько сотен военнопленных.

Репатриация имела добровольный характер, поэтому незначительная часть военнопленных (около 2-3 тысяч) по разным причинам решила остаться в России. По данным польского бюро ЦК Коммунистической партии России на 1 марта 1922 года в Польшу не захотели возвращаться около 8 процентов военнопленных, что в количественном выражении около 3 тысяч человек. В сумме это дает около 38 500 - 39 000 военнопленных, которые подлежали репатриации.

Отношение советских политических и военных властей к польским военнопленным изменялось в соответствии с положением на фронтах. Однако, на протяжении всего времени большевики воспринимали польское общество (и польскую армию), как составной элемент, в котором «пролетариат городов и деревней сражается с реакционными элементами». В связи с чем, предпринимались попытки к тому, чтобы посеять в среде польских пленных семя раздора и «перетянуть» на свою сторону рядовых солдат (происходящих из «трудовых и крестьянских масс») и организовать с их участием революцию в Польше. Безоговорочно искоренялось антисоветское поведение солдат. Наряду с разными видами агитации применялись методы устрашения и репрессий, а также обещаний получения социально-бытовых привилегий.

Относительно нормальным был быт польских военнопленных до весны 1920 года, когда их было немного и в большинстве случаев их использовали на сельскохозяйственных работах в европейской части России (судьба солдат 5-й дивизии была описана отдельно). Во время апогея польско-большевистской войны положение военнопленных значительно ухудшилось – количество их увеличилось, их подвергали различным наказаниям, грабили, они голодали и принуждались к тяжелой многочасовой работе (в угольных шахтах, на вырубке лесов, разгрузке и погрузке вагонов и кораблей, строительстве железнодорожных путей). Осенью в лагерях вспыхнули эпидемии сыпного и возвратного тифа, краснухи и цинги. Санитарные условия были очень плохими, не хватало питьевой воды, канализации, военнопленные мылись в бане раз в месяц, раз в несколько месяцев им выдавали чистое белье, повсеместно были насекомые. Рацион питания часто состоял из фунта хлеба на день. Из-за отсутствия дров и угля часто не готовили горячие блюда (суп), а также не отапливали помещения.

Из военнопленных-дезертиров, а также тех, кто был насильно призван в польскую армию большевики в 1920 году пытались создать 1-ю польскую Красную Армию, которая вместе с другими категориями призванных в ее ряды достигла численности в тысячу человек. После заключения перемирия в октябре 1920 года это войсковое соединение

было официально расформировано, а ее солдат подвергли интенсивной идеологической обработке, для того, чтобы после возвращения в Польшу они занялись пропагандой коммунистических идей или вели антигосударственную деятельность.

Хотя официальные советские приказы предписывали великодушное отношение к военнопленным, реальность была другой. Известно несколько случаев, когда только что взятых в плен польских солдат, признавали «классовыми врагами» и расстреливали на месте. Особенно много фактов убийства военнопленных было в 1-й конной армии Семена Буденного. Среди ее солдат доминировала точка зрения, что кавалерия не может отягощать себя военнопленными, так как из-за этого теряет свое главное преимущество, т.е. маневренность. Одно из наиболее кровавых преступлений совершили кавалеристы Буденного 17 августа 1920 года под Задворьем (на восток от Львова), где от сабель и пуль красноармейцев погибло более 300 польских защитников, которые сдались в плен. Той же доктриной пользовались и в состоявшем в основном из казаков 3-м кавалерийском корпусе, которым командовал комкор Гая Гай Бжишкян. Летом 1920 года эта воинская часть наступала на северном крыле большевистских войск. Она пробовала форсировать Вислу в районе Плоцка и обойти Варшаву с запада. После начала польского контрнаступления ее солдаты пробивались на восток. 22 августа под Млавой, подчиняющиеся Гаю солдаты жестоко убили 150 военнопленных из польского 49-го пехотного полка. Желая отомстить за это командующий 5-й армией генерал Владислав Сикорский приказал своим солдатам не брать в плен красноармейцев из подразделений, подчинявшихся Гаю. 24 августа на месте, где погибли польские солдаты, было расстреляно 200 казаков.

В советском плену оказалось около 44 тысяч польских солдат. Учитывая, что в Польшу вернулось 35 500-36 000, а максимально 3000 человек добровольно осталось в Советской России, то мы можем утверждать, что знаем судьбу около 39 000 польских солдат, попавших в советский плен. Неизвестной остается судьба около 5 000 человек. Мы точно не знаем, убили ли их, умерли ли они от ран или во время передвижения в сборные пункты для военнопленных: лагеря или в транспортах с репатриантами. Также они могли умереть при неизвестных обстоятельствах. Для того, чтобы хотя бы частично понять, что стало с этими людьми, нужно провести архивные исследования в России и в Украине.